

JEZYKOZNAWSTWO

JÁN GALLO

Синтактико-семантические особенности русских и словацких языковых афоризмов*

Syntactic and semantic features of Russian and Slovak language aphorisms

Abstract. The article compares/contrasts the syntactic and semantic features of language aphorisms in Russian and Slovak. The Russian and Slovak language aphorisms have a priori axiological modality and are capable of referential use, as potential acts of motivation and acts of affirmation. The expediency of this analysis is due to the fact that the illocutionary force has national and cultural specifics, which is manifested at all levels of language, speech and discourse. The object of the article is Russian and Slovak proverbs, sayings and winged expressions, in which the value bases of interpersonal speech communication are focused. A group of examples of the greatest illocutionary force is given, i.e. speech acts of prompting, then affirmative speech acts, as well as speech acts of inducement and affirmations that acquire additional illocutionary power. The taxonomy of the illocutionary force contained in Russian and Slovak folk aphorisms takes the following outlines: a) the most illocutionary power is speech acts of motivation, in which proverbs are used; b) affirmative speech and behavioral acts, which are evaluative aphorisms, have the status of passing thoughts with a light touch of lax edification, warning, or wish, and therefore, their illocutionary force is less pronounced; c) speech acts of inducement and affirmation acquire additional illocutionary force if the proverbs used in them retain the connotation of an authoritative original source. In the last part of the text, conclusions of the presented issue are drawn.

Keywords: language aphorism, axiological modality, speech act

Ján Gallo, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra – Slovakia, jgallo@ukf.sk, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7113-9235>

Введение

Самобытность аксиологической модальности русского и словацкого „диалога личностей” отчетливо проявляется в синтактико-семантических

* Статья выполнена по грантовому проекту ВЕГА 1/0067/19 „Языковые рефлексии социальной эгопрезентации и адресации” (Jazykové reflexie sociálnej egoprezentácie a adresácie).

особенностях языковых афоризмов. Это обусловлено тем, что „в языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации” (Gumbol'dt 373–374).

Синтезируя опыт традиции, преломляющийся в языковом сознании современных носителей языка, народные изречения выполняют своего рода роль нравственного фундамента в речевом взаимодействии носителей языка. Это проявляется в том, что афоризмы не только определенным образом программируют развитие речевого общения, но и поддерживают целостность межличностного дискурса благодаря воспроизведению в общении ценностных представлений, идеалов, а также принятых стереотипов поведения и принятия решений.

Приступая к анализу референциального назначения афоризмов, присутствующих в языковом сознании носителей языка, подчеркнем, что их роль не ограничивается непосредственным участием в высказывании. Значительный интерес в этом отношении представляет анализ пословиц с точки зрения содержащейся в них иллокутивной силы (*illocutionary force*). Данный подход был предложен в 70-е годы прошлого века в рамках теории речевых актов: в зависимости от выраженного иллокутивного намерения высказывания делились на дескриптивные (описательные) и оценочные. Последние, согласно Джону Сёрлю, „состояли в выражении говорящим своего эмоционального состояния и отношения к происходящему, т. е. в похвале, совете, назидании, унижении и т. п.” (Searle 183).

В статье обсуждается проблематика специфики оценочной модальности в русско-словацком сопоставлении, т. е. рассматриваются русские и словацкие языковые афоризмы, имеющие априорную аксиологическую модальность и обладающие способностью к референциальному употреблению, как потенциальные акты побуждения и акты утверждения. Объектом исследования послужили русские и словацкие пословицы, поговорки и крылатые выражения, в которых сфокусированы ценностные основания межличностного речевого общения. Приводится группа примеров наибольшей иллокутивной силы, т. е. речевые акты побуждения, далее утвердительные речеповеденческие акты, а также речевые акты побуждения и утверждения, приобретающие дополнительную иллокутивную силу.

Наибольшая побудительность

Наибольшая побудительность характерна для пословиц, в которых выражена модальность долженствования, исходящая из определенных норм

и традиций. Модальность долженствования наиболее ярко проявляется в афоризмах с коннотацией, обусловленной авторитетным источником. В качестве примера ограничимся пословицами, представляющими собой побудительные предложения со сказуемым, выраженным глаголами в повелительном и сослагательном наклонениях, а также в неопределенной форме с частицей *бы* (Lekant 278–280). Ср. русские примеры: *Куй железо, пока горячо*; *Готовь сани летом, а телегу зимой*; *Поживем – увидим*; *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало*; *Не до пиру, быть бы живу* (Felicina, Prohorov). Ср. словацкие примеры: *Kuj železo, pokiaľ je horúce*; *Nehovor hop, kým nepreskočíš*; *Šuster, drž sa svojho kopyta*; *Vyčkej času, ako hus klasu*; *Bieda všetkému naučiť*; *Človek by si jazyk dolámal*; *Najradšej by sa pod zem prepadol* (Dorotjaková et al.) (в словацком языке неопределенная форма глагола с частицей *бы* не встречается).

На основании приведенных примеров можно было бы предположить, что иллокутивная сила обусловлена грамматической формой и является максимальной в предложениях со сказуемым в форме повелительного наклонения. Но если мы обратимся к пословицам, представляющим собой в русском языке обобщенно-личные предложения, то ситуация оказывается существенно более сложной. На основе одной и той же лексико-грамматической формы реализуются речеповеденческие акты различной иллокутивной силы.

Рассмотрим следующие примеры, обращая внимание на полисемию лексико-грамматических форм, передающих широкий диапазон иллокутивной силы от назидания и предостережения до совета и пожелания. Ср. русские примеры: (назидание, долженствование, предостережение) *Люби ближнего как самого себя*; *Будь малым доволен, получишь больше*; *Не зная броду, не суйся в воду*; (совет и пожелание) *Век живи, век учишься*; *Семь раз примерь, один раз отрежь*; *Ешь с голоду, а люби смолоду*; *Будьте как дома*; *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*; *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня* (Felicina, Prohorov). Ср. словацкие примеры: (назидание, долженствование, предостережение) *Miluj bližneho svojho, ako seba samého*; *Ohýbaj ma, tatko, pokiaľ som ja Janko*; *Drevo do lesa nevoz* (Glovňa 42); (совет и пожелание) *Dvakrát meraj a raz rež*; *Čo môžeš urobiť dnes, neodkladaj na zajtra* (Dorotjaková et al.).

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о широком диапазоне различных оттенков побудительности, передаваемых одной лексико-грамматической формой. Глаголами в повелительном наклонении в форме 2-го лица единственного и множественного числа выражаются модальные значения различной иллокутивной силы от прямого назидания, долженствования и предостережения до совета и пожелания.

Наименьшая иллокутивная сила языковых афоризмов – речеповеденческие акты утверждения

Органичной формой выражения описательно-оценочной модальности являются предложения подлежащно-сказуемого типа со значением трезвой оценки и вытекающего из нее вывода. Предикативное ядро подобных языковых афоризмов составляют:

→ глагольное сказуемое, выраженное спрягаемой формой глагола, ср. русские примеры: *Работа не волк, в лес не убежит*; *Яйца курицу не учат* (Felicina, Prohorov). Ср. словацкие примеры: *Robotá nie je zajac, neutečie*; *Kto hľadá, nájde* (Dorotjaková et al.).

→ именное сказуемое, выраженное существительным в именительном падеже, ср. русские примеры: *Щи да каша – пища наша*; *Молчание – знак согласия*; *Коса – девичья краса*; *Сердце не камень* (Felicina, Prohorov). Ср. словацкие примеры: *Srdce nie je kameň*; *Mladosť a krása – vlasy do pása*; *Risk je zisk*; *Staroba – choroba* (Dorotjaková et al.); или в косвенных падежах, напр.: *Не в деньгах счастье*; *С милым рай и в шалаше* (Felicina, Prohorov). Ср. словацкие примеры: *S milým je všade dobre*; *Príležitosť robí zlodeja* (Dorotjaková et al.), кратким прилагательным или причастием, напр.: *Молодо – зелено*; *Сказано – сделано*. Ср. словацкий пример: *Nie je hoden ani deravý groš*, а также наречным сказуемым, напр.: *Первый блин комом*; *Это еще цветочки, а ягодки впереди*. Ср. словацкий пример: *Raz hojno, raz nič* (Dorotjaková et al.).

→ именное или наречное сказуемое, выраженное сравнительной формой прилагательного, напр.: *Старый друг лучше новых двух*; *Утро вечера мудренее*; *В гостях хорошо, а дома лучше*; *Своя рубашка ближе к телу*. Ср. словацкие примеры: *Lepší jeden priateľ starý, ako dvaja noví*; *Ráno je múdrejšie večera*; *Bližšia košľa ako kabát* (Dorotjaková et al.).

Среди паремиологических языковых афоризмов большой интерес представляют русские и словацкие сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, в которых ценностные представления и ориентиры поведения и принятия решений раскрываются с наибольшей полнотой. Отличительной особенностью этих пословиц является недвусмысленная выраженность должного выбора и предпочитаемого поступка, что обуславливает их аксиологическую значимость и потенциальную прескрипцию. Последняя, будучи включенной в поле аксиологической модальности, теряет тональность прямого назидания и воспринимается как попутное оценочное размышление с оттенком мягкого совета или пожелания. Ср. русские примеры: *Дружба дружбой, а служба службой*; *Конь познается при горе, а друг – при беде*; *У вас дрова рубят, а к нам щепки летят*; *Собака лает, ветер носит*; *Не место красит человека, а человек место* (Felicina, Prohorov). Ср. словацкие

примеры: *Psy štekajú a karavána ide ďalej; Človek krásli miesto a nie miesto človeka; Nepovedz (nekrič) hop, kým nepreskočíš; Čo sa za mladi naučíš, na starosť akoby si našiel (Záturecký).*

В сравнении с данными афоризмами паремиологические единства, представляющие собой сложноподчиненные предложения, отличаются большей выявленностью содержащегося в них прогностического и каузального потенциала. Ср. русские примеры: *С кем поведешься, от того и наберешься; Все хорошо, что хорошо кончается; Не все то золото, что блестит; Что написано пером, не вырубишь топором (Felicina, Prohorov).* Ср. словацкие примеры: *Koniec dobrý, všetko dobré; Čo je raz napísané, to je dané; Nie je všetko zlato, čo sa blyští (Dorotjaková et al.).*

Доминантная модальность пословиц, являющихся потенциальными речеповеденческими актами утверждения, лежит в области положительной и/или отрицательной оценки человека, характера, поступка, ситуации и т. п. Ср. русские примеры: *Коса – девичья краса; Беда никогда не приходит одна; Нашла коса на камень (Felicina, Prohorov).* Ср. словацкие примеры: *Mladosť a krása – vlasy do pása; Nešťastie [nikdy] nechodí samo; Padla kosa na kameň (Dorotjaková et al.).*

Особую группу в русском и словацком языках составляют языковые афоризмы, представленные безличными предложениями, в которых используются безличные глаголы в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени в значении констатации состояния безотносительно к субъекту действия. Ср. русские примеры: *Не спится, не лежит, все про милого грустит; Жизнь – мучиться, а умирать не хочется (Felicina, Prohorov).* Ср. примеры в словацком языке: *Svitá tu v žalúdku; Črevá tu žmýka (Glovňa 42).* Названные в паремиях этого типа противоположные состояния заключают в себе оценку душевного состояния и раскрывают сложность переживаемой ситуации. На наш взгляд, пословицы данного типа могут рассматриваться как промежуточный речеповеденческий акт, в котором сочетаются побуждение и оценка. В межличностном дискурсе подобные афоризмы могут реализовываться как побудительные речевые акты, напр.: „– Лиза Муромская мне вовсе не нравится. – После понравится. **Стерпится, слюбится**” (А. С. Пушкин, *Барышня-крестьянка*) и как утвердительные, напр.: „– Я тебя очень любил, после так не получалось, а без любви кой толк в семье? – Очень даже большой толк! – сказала она убежденно. – Знаете, говорят: **стерпится – слюбится**. Без семьи, без детей – жизни нет, одно баловство” (Ю. Нагибин, *Перекур*) (ссылка вслед за: Felicina, Prohorov 95). Присутствие в языке афоризмов подобного рода также подтверждает положение о тесной взаимосвязи полей оценочной и побудительной модальностей.

В реальных ситуациях речевого общения пословицы, которые являются потенциальными актами побуждения, могут выступать, не утрачивая своей

побудительной модальности, как речеповеденческие акты утверждения. Активизация оценочной модальности в этих афоризмах обусловлена тем, что любое побуждение исходит из определенных ценностных представлений и стереотипов поведения и принятия решений. Поэтому переакцентуация доминантной побудительной модальности в описательно-оценочную представляет собой нередкое явление в русском и словацком межличностном дискурсе. Ср. русский межличностный дискурс: „Как же ты ее [шуку] вытащил? Рыбак спокойно и чуть насмешливо всем отвечал: – **Без труда не вынешь рыбку из пруда!** Сколько лет прошло с тех пор, не помню, но рыбак не только не выходит из памяти, но, а, напротив, все яснее, и бывает, что я... на похвалу «таланту» повторяю про себя: – **Без труда не вынешь рыбку из пруда!**” (М. Пришвин, *Кащеева цепь*); (ссылка вслед за: Felicina, Prohorov 26). Ср. словацкий межличностный дискурс: „**Bez práce nie sú koláče?** Jedno aj druhé budeme rozdávať v Košiciach” (из прессы); „**Bez práce nie sú koláče.** My vám však dáme oboje” (из прессы); „Pomáhať im robiť pí-ár? Tak to určite. Nie, tento podnik je bez šance. Žiadny súdny a slušný človek sa ku Kotlebovi nepridá. **Hlavou múr nepreraziš**” (из прессы).

Аналогичное явление наблюдается и в пословицах, являющихся потенциальными речеповеденческими актами утверждения, что также объясняется внутренней взаимосвязью оценки и вытекающего из нее побуждения. Ср. русский пример: „Что-же, девка хорошая и роду честно... Что-ж, доложусь великому государю: **попытка не пытка, а спрос не кнут**” (Д. Мордовцев, *Великий раскол*) (ссылка вслед за: Mihel'son I: 255 и 643; Mihel'son II: 91). Ср. словацкий пример: „Možno pobaví, možno nie. Ale myslím si, že **za pokus to stojí**” (из прессы).

Приведенные примеры показывают, что в межличностном общении пословицы, квалифицируемые как потенциальные речеповеденческие акты утверждения, могут выступать в функции прескрипции, а пословицы с доминантной побудительной модальностью – в функции оценочного утверждения. Это доказывает, что в речевом общении языковые афоризмы, принадлежащие по своим синтактико-семантическим параметрам модальным полям оценки или побуждения, свободно перемещаются внутри этих полей.

Взаимная дополнительная иллокутивная сила речевых актов оценки, побуждения и утверждения в межличностной дискурсивной практике

Целостные речевые блоки, принадлежащие одному полю, не утрачивая присущих им характеристик, в процессе речевого взаимодействия принимают на себя функции другого поля. Следовательно, между пословицами,

являющимися потенциальными речеповеденческими актами побуждения и оценочного утверждения, не может быть резкой границы.

Недостаточность понимания лексико-грамматической формы для раскрытия доминирующей модальности пословицы, использованной в речевом межличностном общении, представляет известную трудность в процессе общения инофонов. Поэтому знакомство представителя иной лингвокультурной общности с аксиологическим планом русского и словацкого межличностных дискурсов и языковых средств их выражения – важнейшее условие достижения уровня „глубинного общения”.

К числу лексико-грамматических форм с взаимной дополнительной иллокутивной силой речевых актов оценки, побуждения и утверждения относится неагентивная форма глагольных односоставных предложений, в которых „выраженное действие «оторвано» от деятеля, тем самым затруднено и выражение отношения действия к лицу говорящему” (Lekant 305–306).

Словесная необозначенность деятеля, представленного как обобщенный субъект, т. е. имеющий потенциальное отношение к каждому, типична для русских и словацких пословиц, построенных по модели обобщенно-личных, безличных и инфинитивных предложений. Ср. русские примеры: *Тише едешь – дальше будешь*; *Шла в мешке не утаишь*; *Что посеешь, то и пожнешь*; *Шито белыми нитками*; *Семь потов сошло*; *Волков бояться – в лес не ходить*; *Пальцем не тронуть*; *Палец о палец не ударить* (Felicina, Prohorov). Ср. словацкие примеры: *Ako si ustelieš, tak budeš spať*; *Pomaly d'alej zájdeš*; *Ide od ruky; Niet po ňom ani chýru ani slychu; Ani sa nedotknúť niekoho* (Záturecký).

Таким образом, присутствие в пословицах обобщенного деятеля (агенса), возможно, объясняется избеганием прямой апелляции к высшим силам, характерной для заговоров и молитв, и стремлением перевести внимание с пациенса „на бытие самого факта действия, либо на другое лицо (предмет), которое не является деятелем, но становится для говорящего субъектом предложения” (Kokorina 51).

На наш взгляд, русские и словацкие пословицы, построенные по модели обобщенно-личных, безличных и инфинитивных предложений, воспроизводят „глубинные структуры” или восходят к ним, сохраняя отдельные черты.

Выводы

В результате таксономия иллокутивной силы, содержащейся в русских и словацких народных афоризмах, приобретает следующие очертания:

1. На основе нашего исследования можем сделать вывод, что наибольшей иллокутивной силой обладают речевые акты побуждения, в кото-

рых использованы пословицы-назидания, напр., *Береги платье снову, а честь смолоду / Statočnosť na večnosť*. Далее следуют пословицы, в которых выражены предостережение, напр., *Не зная броду, не суйся в воду*; побуждение к совместному действию, напр., *Сядем рядком да поговорим ладком*; совет, напр., *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня / Čo môžeš urobiť dnes, neodkladaj na zajtra*; пожелание, напр., *Не родись красивой, а родись счастливой / Má viac šťastia ako rozumi* и предпочтительность, напр., *Не до пиру, быть бы живу*.

2. Утвердительные речеповеденческие акты, представляющие собой оценочные афоризмы, имеют статус попутного размышления с легким оттенком нестрогого назидания, напр., *Копейка рубль бережет / Babka k babce, budú kapce*; предостережения, напр., *Чужая душа – потемки / Do duše nikomu nenazrieš*; совета, напр., *Старый друг лучше новых двух / Lepší jeden priateľ starý, ako dvaja novú* или пожелания, напр., *Утро вечера мудренее / Ráno je múdrejšie večera*, поэтому их иллюкутивная сила менее выражена. Однако в межличностном дискурсе оценочный афоризм может приобретать побудительную модальность, сообщая высказыванию оттенок подчеркнутого одобрения, восхищения, напр., *Коса – девичья краса / Mladost' a krása – vlasu do pása* или надежды на благополучный исход описанной ситуации, напр., *Терпенье и труд все перепрут / Trpezlivosť ruže prináša*. В этих случаях иллюкутивная сила оценочного высказывания существенно возрастает и становится сопоставимой с побудительными актами пожелания.
3. Речевые акты побуждения и утверждения приобретают дополнительную иллюкутивную силу, если использованные в них пословицы сохраняют коннотацию авторитетного первоисточника, напр.: *Чти отца своего и мать свою / Cti svojho otca a svoju matku*; *Имеющий уши да слышит*; *Кто куда хочет, туда ему и дорога / Kto chce kam, potôžte tu tam*; *Кому много дано, с того много и спросится / Na veľký voz veľkú fúru kladú*.

Промежуточную группу составляют языковые афоризмы, имеющие значение констатации состояния безотносительно к субъекту действия. Ср. примеры в русском языке: *Не спится, не лежится, все про милого грустится*; *Жить – мучиться, а умирать не хочется*; *Стерпится, слюбится*. Ср. примеры в словацком языке: *Kto druhému jamu kope, sám do nej spadne*; *Človek i na šibenicu privykne*; *Koho pán Boh miluje, toho križom navštevuje*. Но, выражая общую оценку душевного состояния и сложность переживаемой ситуации, пословицы этого типа характеризуются побудительной силой, направленной на преодоление сложившегося „положения дел”. Своеобразие модальности,

выражающей отношение между субъектом (носителем признака) и предикативным признаком (Zolotova 143), позволяют согласно Татьяне Владимировой „рассматривать данные паремии как потенциальные смешанные речевые акты, которые в зависимости от конситуации могут быть отнесены к побудительным или к утвердительным” (Vladimirova 117).

Представленная таксономия русских и словацких речеповеденческих актов (на материале паремий) может рассматриваться, сходно с мнением Владимировой, как „синтактико-прагматическая проекция ценностных представлений, идеалов и усвоенных стереотипов поведения и принятия решений, типичных для русского и словацкого «поля поведения и активности»” (Vladimirova 117).

Библиография

- Alefirenko, Nikolaj. „Ázykovye stereotypy russkogo ètnokul'turnogo prostranstva”. *Przeglad Wschodnioeuropejski*, t. 1, 2010, s. 405–424.
- Alefirenko, Nikolaj et al. *Tekst i diskurs*. Moskva, Flinta – Nauka, 2010.
- Glovňa, Juraj. *Frazeológia*. Nitra, Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2015.
- Gumbol'd, Vil'gel'm fon. *Ázyk i filozofiá kul'tury*. Obš. red. Arsenij Gulyga. Moskva, Progress, 1985.
- Kalečic, Elena. „Slovakco-russkie frazeologizmy kak predmet izučeniâ na zanâtiâh po russkomu âzyku kak inoslavânskomu”. *Aktual'nye problemy obučenâ russkomu âzyku*. Vyp. XIII. Red. Simona Koryčánková. Brno, Masarykova univerzita, 2018, s. 112–121.
- Kokorina, Svetlana. „Vyraženie modal'nosti”. *Praktičeskaâ grammatika russkogo âzyka dlâ zarubežnyh prepodavatelej-rusistov*. Red. Nadežda Mets. Moskva, Russkij âzyk, 1985, s. 158–210.
- Lekant, Pavel et al. *Sovremennij russkij literaturnyj âzyk. Učebnik dlâ studentov filologičeskikh special'nostej pedagogičeskikh institutov*. Moskva, Vysšaâ škola, 1988.
- Mlacek, Jozef. *Slovenská frazeológia*. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1984.
- Padučeva, Elena. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'û (referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij)*. Moskva, Nauka, 1985.
- Searle, John Rogers. „A classification of illocutionary acts”. *Language in Society*, 1, 1976, s. 1–23.
- Sokolova, Âna. *Verbal'nyj tekst. Očerki o mono-, semi- i polikodovosti*. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing, 2016.
- Sokolová, Jana. „Egocentriká – výrazy so sémanticko-pragmatickou orientáciou na hovoriaceho”. *Slovenská reč*, 1, 2019, s. 10–25.
- Sokolová, Jana. „Sémantika a pragmatika konštrukcií egoprezentácie”. *Slovenská reč*, 3, 2018, s. 261–276.
- Sokolová, Jana. *Texty – Zobrazenia – Komunikáty*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2017.
- Sokolová, Jana. *Tri aspekty verbálneho textu*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2012.
- Vladimirova, Tat'ána. *Prizvannye v obšenie: Russkij diskurs v mežkul'turnoj komunikacii*. Moskva, KomKniga, 2007.
- Zolotova, Galina. *Očerk funkcional'nogo sintaksisa russkogo âzyka*. Moskva, Nauka, 1973.

Источники

- Dorotjaková, Viktória et al. *Rusko-slovenský frazeologický slovník*. Bratislava, SPN, 1998.
- Felicina, Vera, Ťrij Prohorov. *Russkie poslovicy, pogovorki i krylatye vyraženiá: Lingvostranovedčeskij slovar'*. Moskva, Russkij ázyk, 1979.
- Mihel'son, Moric. *Ruskaâ mysl' i reč'. Svoe i čužoe. Opyt russkoj frazeologii. Sbornik obraznyh slov i inoskazanij: v 2 t.* Reprintnoe izdanie 1902. Sankt Peterburg, Al'faret, 2015.
- Stěpanova, Ludmila, Petra Fojtů, Milada Jankovičová. *Rusko-česko-slovenský slovník frazeologických synonym*. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci, 2014.
- Zátarecký, Peter Adolf. *Slovenské príslovia, porekadlá, úslovia a hádanky*. Bratislava, Tatran, 2018.